

Винсент О'Торн

AL AZIF

Книги I-III

18+

Винсент О'Торн
Al Azif. Книги I-III

«ЛитРес: Самиздат»

2020

О'Торн В.

Al Azif. Книги I-III / В. О'Торн — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Каждую ночь поверх бессмысленной реальности и под её покровом ведётся оживлённая беседа. Если вслушаться, как Говард Филлипс Лавкрафт в прошлом, в эти звуки, напоминающие стрекот цикад, гудение мух и крики птиц, то можно услышать, как демоны нашептывают новую историю, происходившую на нашей планете, вращающейся вокруг своей скрипучей оси. Итак, вашему вниманию представлен сборник первых трёх томов с рассказами под заголовком Al Azif.

Содержание

Эхо	5
С легионом молодых	17
Бабуля	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эхо

Однажды, в моём далёком детстве, я, по какой-то причине, которую я уже не помню, пошёл с моей мамой к ней на работу. Вероятно, в её корпорации был какой-то специфический день, когда работники приводят своих детей – показать, кем же всё-таки трудятся их предки, чтоб потом появлялись в доме новые кроссовки и макароны с сыром. К своему отцу я пойти, само собой, не мог, ведь тогда он уже очень успешно работал в режиме «хоум-офис» искателем заговоров правительства, а мой отчим ещё не случился. Мы всегда жили в пригороде. Это место было менее удалённо от цивилизации, чем сейчас, но всё же – удалённо. Мой маленький детский рассудок, я подозреваю, не был готов к огромным толпам народа, потокам транспорта, и вони верениц мусорных контейнеров, так что я выбрал наиболее правильное решение в сложившейся ситуации. Бежать, куда придётся, и звать папу.

Никто точно не знает, где я был, и что делал. Я тоже не могу рассказать вам деталей моего бегства по улицам Неонового Некрополя из стекла и бетона, ибо этот отрезок моей жизни мой мозг вырезал и сжёг почву кислотой, во избежание новых всходов. Я надеюсь, что это была защитная реакция. Я до сих пор на это надеюсь. Что я помню дальше? Уже наверно кабинет врача. До этого мои мысли и воспоминания слишком спутаны, иррациональны и сюрреалистичны, чтоб на них полагаться. Они иногда приходят в мои сны, но я не могу дешифровать это, за исключением некоторых деталей, которые я смог вспомнить в итоге, но об этом позже. Мне рассказывали, что меня нашли в состоянии кататонии. Мне рассказывали, что я кричал и упирался, пока меня везли на каталке по больничному коридору, пресекая любые попытки вколоть мне эти их вязкие седативы, с силой, несвойственной маленькому ребёнку. Но нет. Я не облучился, меня не кусал радиоактивный паук. Я лишь испытал ужас, который моё сознание полностью бы отвергло, будь я взрослым, но дети смотрят несколько более в, скажем так, глубины, находясь чуть ближе к небытию. Им там плевать на возраст, и бездна всегда взглянет в ответ. Отзывчивая тварь.

Как я уже сказал, следующее, что я помню – это кабинет доктора. На столе стояла вазочка с яблоками, которые, как мне помнится, несколько издавали запахи гниения. Доктор – лысеющий мужчина с шикарными моржовыми усами, стоял напротив и пристально смотрел на меня, в компании, видимо, медсестры азиатского происхождения, женщины, которая, я подозреваю, представляла социальные службы, моей заплаканной матери и какой-то ещё женщины, страдающей ожирением. Последняя, скорее всего, являлась детским психологом, но её роль в той сцене оказалась нераскрытой. Я пришёл в себя так же быстро, как отключился от брэнного мира, вращающегося вокруг скрипучей оси. Предполагаемый психолог нечто быстро-быстро набрасывала в свой блокнот, нервно отшатнувшись от двери, когда в палату вошёл полицейский – просто копия звукоподражателя из «Полицейской Академии». Я эту схожесть осознал уже несколько позже, с возрастом. Полицейский о чём-то переговорил с присутствующими, а затем вышел с женщиной из социальной службы. Доктор проводил их с хитрым прищуром и вернулся ко мне.

– Привет, Артур.

Я всегда не был полностью доволен своим именем. Было ощущение, что родители зачитывались рыцарскими романами, или хотели собаку, но, на самом деле, отец его взял из неизвестного мне рассказа о призраках.

– Здравствуйте.

- Ты очень сильно напугал всех и особенно свою маму, ты знаешь?
- Мам?

Она подбежала наконец-таки ко мне, обняв, и расцеловав всю мою ещё плохо соображающую голову.

- Мэм, успокойтесь. С ним всё будет хорошо. Мы не нашли никаких повреждений. Ребёнок, попросту, испугался, – сказал доктор.
- Такого раньше никогда не было, – ответила ему мама, – Наверно стресс от поездки.
- Дайте ему дома тёплого молока, и пусть отдохнёт пару дней. С ним, в сущности, всё хорошо. Нормальный, здоровый парень.

Далее мама общалась с полицией, социальными службами, ещё какими-то непонятными мне людьми. Как я уже сказал, это было весьма давно, и, как вы поняли, сопровождалось стрессовой для меня ситуацией. До, после, в период. Из семьи меня не забрали, из чего я могу сделать вывод, что мать была весьма убедительна. Тем более, что она и меня убедила – бояться нечего. Я это понял. Но какой-то переключатель, мелкий противный тумблер, навсегда заклинило в моей голове, стоило мне вернуться домой. Больше я не ходил к матери на работу. Не ходил в школу. К друзьям. Никуда. Вот взять последний год. Я вышел из дома примерно пятнадцать раз, и это рекорд. В тот день домой я привёз грустный сувенир из большого города. Нет, это не был магнитик или милый пылесборник. Это был страх открытого пространства, и он оставался моим заклятым другом и не хотел уходить, даже когда я уже вырос.

Надо сказать, что мне противна сама мысль о таких вещах. По сей день, я нахожу это какой-то глупостью. Ну, не должен и не может взрослый мужчина сидеть в родительском доме, боясь сходить себе за газировкой. Я не умею водить машину, я не могу сходить к врачу, я привязан к каменно-древесному нутру этого здания, с возможностью лишь иногда высунуть нос во двор, окружённый огромным забором. Что же за этим забором? Громкие соседи, которые могут вызвать приступ паники? Рёв машин? Вид на огромный супермаркет с кучей людишек, спешащих за большой упаковкой кукурузных палочек по акции? Нет, нет и нет. Лес. Густой лес, который отдаляет нас от цивилизации на несколько километров. Мать перевезла меня из нашего старого дома, при помощи моего отчима. Он кстати, медик, как можно, при желании, предположить, ведь мой родной отец со временем тоже отбыл в астрал, так что врачеватели разума были для нас родными людьми. Кстати, большое скопление людей меня тоже напрягает, так что гости в нашем доме редкость. Если расклад событий таков, что появление посторонних людей – неизбежность, я запираюсь в комнате, пью таблетки и пытаюсь спать.

Разумеется, подобный образ жизни даёт о себе знать. Я забываю, как общаться с людьми, зато прекрасно разговариваю сам с собой. Мать говорит, что даже жестикуюлю. Таких деталей я не замечаю, но споры в голове происходят. Порой даже жаркие. Выход из положения был найден, мне подарили живое существо, которое не досаждаёт своим присутствием – игуану. Мы сроднились, и с ней я даже начал чаще выходить по ночам из дома, на задний двор. Мой воспалённый мозг говорил мне, что задний двор – более безопасное место. Теперь я мог спорить сам с собой в слух более легитимно, ведь меня кто-то слушал. Пусть этот кто-то и был хладнокровной рептилией, в мыслях которой, большей частью, были сугубо первобытные инстинкты. Где-то в её глазах можно было найти отголоски времён не только известных нам гигантов мелового периода, но и существ из более давних эонов, не оставивших видимых следов на этой планете, но всё ещё являющихся частью бытия и выжидающих.

Я работаю дома, как вы можете догадаться. Отчасти мою работу можно даже назвать творческой, хоть она и весьма техническая. Именно моя работа, главный источник споров с молчаливой рептилией. Поиск способов для решения проблем – сам по себе дорога к пробле-

мам. Мне нравилась эта работа, но, надо сказать, я был бы рад выполнять её в офисе. Ох уж эта заветная мечта многих – работать дома. Но я никогда не просил о таком.

Первый звонок стал первым звонком где-то за три-четыре дня до моего бегства, если я ничего не путаю. Это случилось, когда тьма упала на местность, где мы живём. Я не хочу указывать географические подробности, ибо круговорот событий утащил меня так глубоко, что конкретика потеряла смысл. Как вы увидите далее.

Закончив очередной заказ, я надел куртку с капюшоном и вышел во двор, прихватив аквариум с питомцем. Иногда я таскал его в руках, но сейчас я хотел поужинать под звёздами, вдыхая яркие лесные запахи, а значит мог попросту не удержать изворотливое существо, предпочитающее ночь с музыкой иных детей этого времени суток. У меня же были другие заботы. Пришлось ещё раз вернуться на кухню, чтоб взять тарелку с бутербродами и стакан молока. Потом ещё, потому что вкус молока тонко намекнул, что к утру оно уже отойдёт в лучший мир. Всё окончилось каким-то маминым самодельным соком, который я нашёл в холодильнике, и кувшин которого я практически разбил о холодные полы кухни. Это было бы величайшее фиаско, так как я бы разбудил отчима, который пошёл бы искать грабителей, или меня в каком-то не самом лучшем состоянии, а это бы разбудило маму, а соответственно и её разъяснения, когда конкретно должен спать человек. Если бы, если бы. В целом, всё прошло хорошо, и я уже устроился на пустом ящике, расставив еду на шатких перилах. Давно хотел попросить отчима что-то с ними сделать, но я так редко его вижу.

– Попроси ты, как увидишь. У тебя это лучше получится.

Игуана, выслушав меня, сделала подобие мёртвой петли по клетке и показала мне свой странный язык. Хорошо, что на сегодняшний день это так. Думаю, я больше бы не возвращался даже к своему плачевному состоянию, если б в один прекрасный день со мной заговорила игуана. Отчасти, я был готов к этому, но лишь в том плане, что я бы не удивился, однако, мой мозг не смог бы пережить что-то подобное, как мне казалось. Я откусил бутерброд и посмотрел вверх. Пожёвывая смесь тунца, огурцов, неизвестного травяного соуса и хлеба, я разглядывал разнокалиберные светящиеся точки в небесах. Мама рассказывала, что в детстве, до инцидента, я очень любил рассматривать морское дно с лодки или прогулочного катера. Иногда я ей рассказывал про светящиеся объекты в толщах воды. Вероятно, то были отблески солнца, или мы были на катере в тёмное время суток, а я был впечатлительным, или видел какие-то стёклышки, но сейчас я понимал, что ночное небо вызывает у меня ассоциации с массивом мирового океана. Присутствовала у них какая-то общая неотвратимость с капелькой безумия. Ни то у каждого своя, но до чёртиков схожая, ни то одна на двоих, но в разных ипостасях. И тут состав моих мыслей подорвал звонок домашнего телефона. Обычно я не отвечал на звонки, но он мог разбудить родню, а мне бы этого не хотелось, как я уже упомянул. Я положил на тарелку остаток бутерброда и, на ходу запивая то, что уже было во рту, соком, бросился к аппарату. Схватив трубку и приняв звонок, я выскочил обратно во дворик.

– Аллю?

– АЛЛО!

Голос был низким, с хрипотцой и несколько неровным тембром. Я бы решил, что голос звонившего сорван, но он очень громко крикнул мне в трубку.

– Да, говорите. Это дом...

– АЛЛО!

– Да что ж такое-то...

Я начал потеть и моё сердце несколько ускорило темп. Это могло закончиться весьма печально, и я решил, что пора заканчивать несостоявшийся диалог.

- Говорите, или я кладу трубку. Вы меня слышите?
- АЛЛО!

В трубке что-то начало шипеть, и я положил трубку.

Пока я пил успокоительные, то внимательно наблюдал за телефоном, но собеседник, видимо, тоже решил, что наша беседа себя исчерпала, и решил не перезванивать. Предположительно, человек преклонных лет ошибся номером, а заодно и временем дня. Такое бывает. Я не помню своих бабушек и дедушек, потому могу судить лишь по рассказам и фильмам. Мне оставалось лишь вернуть телефон на его законное место, доесть бутерброды и пойти с ящерицей спать. Вместо занимательных бесед с портативным динозавром, я пообщался с глуховатым человеком, решившим заказать у меня еду на дом, или услуги сиделки, или что-то вроде.

На следующий день я проснулся от солнца, которое усиленно пыталось пробраться через сомкнутые веки, дабы выжечь мои глаза, и от крика матери, что звала меня завтракать. Взглянув на часы, я понял, что её нетерпеливый крик был весьма обоснован, ведь я проспал значительно дольше необходимого. С другой стороны, вопросы были и у меня. Почему в доме пахнет блинчиками в обеденное время? Что вообще она делает дома в обеденное время? Я вылез из кровати, накинул халат и спустился вниз, в столовую.

- Доброе утро всем.
- Спасибо, но оно уже прошло, – отчим усмехнулся и отхлебнул горячего кофе, стоя возле разделочного стола.
- Я знаю, что долго спал, – я рассеяно повёл рукой в сторону, – Совсем не обязательно меня упрекать. Срочных дел у меня нет. Лучше ответьте, с каких пор мы едим блинчики на завтрак?
- Во-первых, дорогой, в этом нет ничего необычного, – сказала мама, накладывая мою порцию, – Я просто так решила. Во-вторых, я теперь не скоро их приготовлю.
- Что? Почему?
- Мы уезжаем, дорогой. Нас не будет две недели.
- Хотим повидать моих родственников. Они давно зовут твою маму – погостить у них. Тебя, разумеется, тоже. Ты ведь помнишь мою тётю?

Тётю отчима я помнил прекрасно. Хотелось бы мне, чтоб этого воспоминания никогда не появлялось в моей голове, потому что столь несоблюдающего личное пространство человека не так просто найти. Большинство людей, появлявшихся в нашем доме, хотя бы пытались. Но только не она.

- Хорошо, – ответил я им – Удачной вам поездки. Будет скучно без блинчиков утром, но я постараюсь развлечь себя пищей.
- Дорогой, я оставила тебе в холодильнике много продуктов. Если захочешь, то приготовишь себе что-то более правильное. Тем более, что горячую пиццу тебе сюда никто не привезёт.
- Возможно, я так поступлю. Приготовлю себе пиццу сам.
- Ещё один момент, дорогой. Я не хотела тебе говорить, но, возможно, ты уже и не помнишь. Рыжий мальчик, с которым ты играл в детстве. Как там его звали? Кажется...
- Да-да, мам, я понял, про кого ты.
- Он умер. В дом кто-то пробрался, а он был один и не мог нормально передвигаться. Сломал ногу за неделю до этого.

– Грабители?

– Таких подробностей, я не знаю. Может быть, наркоман залез, или ещё какой-нибудь асоциальный тип.

Конечно, я уже толком и не помнил этого паренька, ибо мы не общались, если я не ошибаюсь, уже более десяти лет, к тому моменту. Изначально мы созванивались, переписывались, но потом как-то всё закончилось. У него там был колледж, различное веселье и всё прочее, а у меня всё случилось немного иначе. Так иначе, что я явно не вошёл бы в те события, которые происходили с моим другом детства. Как бы то ни было, но это всё равно было слышать очень печально.

После отъезда мамы с отчимом, я какое-то время посидел перед телевизором. Мозг внезапно начал требовать никотин, но ничто не заставит меня выйти из дома при свете дня, а за курение дома я бы не получил благодарности, ибо у матери острый нюх, а отчим – вам-уже-известно-кто-по-профессии, хоть и с иной специальностью. Да и не хотелось тратить остаток заначки, потому я решил, что чипсы – это более подходящий вариант в данной ситуации. Я походил с пакетом по комнате, потом вернулся к телевизору и начал, несколько бездумно, переключать каналы.

– Посмотрите, как самка льва тащит...

<Клик!>

– Работай со мной, или работай на ме...

<Клик!>

– Следующий вопрос и вы можете удвоить с...

<Клик!>

– ...75 ампул мескалина, 5 пакетиков диэтиламид лизергиновой...

<Клик!>

Я выключил телевизор. Пришлось признаться себе, что я не мог не думать о смерти друга из давних времён обитания вне помещений. Пришлось так же принять, что блуждание по дому и прокрастинация – это не очень подходящий список дел на сегодня. Поднявшись в комнату, я накормил игуану, которая начала весьма настойчиво стучать лапой по стенке аквариума, и сел за компьютер. По-хорошему, стоило проверить рабочую почту, но я открыл браузер и начал проверять новости. В общей массе не было описано никаких подобных случаев, и я начал вспоминать, как в точности зовут моего друга. Я помнил его самого, помнил его детскую кличку, но все эти официальные персоналии – прям не мой конёк. Даже шефа я запомнил по нику из мессенджера.

Внизу зазвонил телефон. Я чертыхнулся и отправился к источнику раздражения, гадая, кто бы это мог быть, и собираясь принести трубку в комнату, чтоб больше не совершать таких путешествий. Оказавшись на первом этаже, я прихватил позабытую упаковку чипсов одной рукой и трубку другой, приняв звонок.

– Аллю.

В трубке опять всё зашипело, раздался звук, будто упало некоторое количество тоненьких металлических стержней, потом звук похожий на бульканье болотной жижи, и всё окончилось пугающим эндшпилем.

– АЛЛО!

– Это опять вы?

- АЛЛО!
- Если вы начнёте говорить, то у нас получится диалог.
- АЛЛО!
- Но вы не начнёте, правда?
- КТО ЭТО?!
- Прогресс. Я вас поздравляю. С вами говорит...
- КТО ЭТО?!!
- Я бы вам представился, но мне интересно, куда вы звоните?
- ЭТО ОПЯТЬ ВЫ?!!
- Вы сами сюда звоните. Просто напомню.
- АЛЛО!

Я сбросил звонок и пошёл наверх. Мой собеседник больше не пытался со мной связаться. Пару лет назад – нам тогда звонили какие-то мальчишки, которые прознали про меня – я слышал от отчима, что можно позвонить в телефонную компанию, и как-то это всё проверить, но ведь проще выключить телефон. Мама может позвонить на сотовый или написать. Всё просто, если хорошо подумать.

Кабель был выдернут из гнезда. Вспомнилось, что я любил делать так раньше, в более детском возрасте, когда телефонные звонки пролезали глубоко в мою расшатанную психику, а я ещё не умел держать себя в руках. Мы могли пропускать очень важные звонки, но я не мог терпеть эту дрель, сверлящую череп. Словно кто-то по ту сторону линии пытался сделать мне лоботомию столь неэффективным методом. Ужасно медленный убийца с крайне неэффективным оружием. О, да. Ассоциативные ряды выстроились и, грохоча, начали свой марш к моему озарению, что молотки из «Стены». Эта сцена была ближе к финалу, как я вспомнил, но эти воспоминания мне были не нужны, и я вернулся к своим поискам за компьютером. Жаль, что не было никакого триггера для вызова ассоциаций с тем моим товарищем из детства, которого я желал посмертно вбить в поисковую строку. Имя крутилось в голове, но я не мог ухватиться за ускользающую плоть мысли. Всего лишь, надо было дать маме закончить фразу, и я бы получил красный ключ. Было принято решение искать не столь человека, сколько событие, что привело к некоторому скоплению вкладок и необходимости перебора после. Лишь в последний раз мне повезло, и я наткнулся всё же на небольшую статью о трагической кончине моего товарища из прошлого. Судя по описанию, до него успели добраться какие-то животные, что было не совсем типично для местности его проживания. С другой стороны, никто не застрахован от посягательств голодного бродячего пса на его мёртвое тело. Или... или даже не бродячего. У него тоже могла быть собака. В статье было мало деталей, а смерть моего товарища, судя по всему, была малозначимой, чтоб писать про неё в больших масштабах.

Я отвлёкся по различным бытовым делам, как например бутербродное созидание, а также различные вмешательства в жизнь моего аквариумного дракона. В итоге, с бутербродами и стаканом солёного томатного сока, я вернулся к открытому браузеру. Вкладка с печальными вестями о знакомом лице из потерянных воспоминаний была закрыта, но отмечена звёздочкой, дабы, вероятно, вернуться к ней. Пока что настало время для проверки содержимого остальных вкладок моего браузера, который так же решил перекусить, но разумеется не бутербродами, а оперативной памятью, пока я отлучился. Победив в сражении со своенравным программным обеспечением, я углубился в чтение.

Все знают это мерзкое ощущение, когда капелька ледяного яда, падает из области твоей глотки в недра требухи? Теперь оно пришло и ко мне. Я убеждал себя, что ничего не случилось, но тексты неприметных статей говорили мне о ином.

«Любого числа в произвольное время человека с некоторым именем нашли у себя дома или в квартире. Причина смерти неизвестна. Часть тела или некоторые органы были удалены посмертно».

Больше всего в этом пугало одно. Они все, так или иначе, не могли покинуть дом. Переломы, уход за родственниками, ураганы и различные наборы фобий. Привязанные к дому, они обретали вечный покой, пройдя тоннелем из плоти. Видимо, одной мерзкой липкой капельки страха мне было недостаточно, я и решил окунуться в своё внезапное расследование с головой. Через пару минут я уже раскапывал социальные сети, которые исправно выдавали мне профили отошедших в мир иной мужчин, женщин и подростков. Я допускал, что могли быть ещё и дети, но их присутствие в социальных сетях, обычно, не приветствуется, так что тут имелись свои сложности. Что я же искал? Мне отнюдь не хотелось просматривать сомнительные селфи этих людей или же перечитывать соболезнования от залётных незнакомцев. Я искал самое жуткое, самое невообразимое, грязное и незабываемое. Мои искания увенчались терном, но всё же увенчались, и вот – целый водопад липкого крио-желе обрушился в мой желудок. Желе ужаса. Так бы мог называться b-movie из 80-х, но это вошло в реальность вокруг меня. Не буду вдаваться во всю цепочку событий, но будет достаточно тройки финалистов. Сначала пойдёт старушка из Нью-Джерси, которую смерть настигла по дороге в супермаркет, где она собиралась прикупить спиртного для поминок своей подруги, которая пребывала парализованной последние пару лет жизни. Среди бела дня, судя по всему, но, всё же, не в толпе людей. Она вела уединённую жизнь. Кошки, вышивание, написание сомнительных картин. Женщина решила свернуть через какой-то переулок, и вот её социальная сеть покрывается горестными хэштегами. В том числе, горюет её внук, который был увлечён видеоиграми, так что не был заядлым велосипедистом или теми ребятами, кто ходит по дорожкам в парке, вдыхая запах хот-догов и свежескошенной травы. Он умер в кресле, а на его голове не досчитались некоторых деталей, и лучше бы это были волосы. Далее эстафетную палочку я мог проследить человек через двадцать-тридцать, а победителем, как вы понимаете, является мой давний друг, который сломал ногу, и это сделало его героем, по сути. Привязанный к дому, он быстро получил на свою голову роль следующей жертвы. Он вытянул короткую спичку, но для него уже всё закончилось. Кто следующий? Ведь если подумать, то должность передаётся по знакомству, и я самый лучший кандидат!

Я решил погрузиться с головой в работу, чтоб перенести мысли о происходящем на более поздние сроки. Являясь относительно разумным человеком, для того, кто не может выйти из дома, я понимал, что, вероятно, выдаю желаемое за действительное. Вернее сказать, нежелаемое. Полиция или ФБР давно должна была найти связь между этими событиями, ведь мы живём не во времена кутежа Теда Банди, когда у служителей закона возникали, скажем так, некоторые сложности. Значит было реально сделать вывод, что это всё абсолютно случайные события. Случайные события, коих я накопил на полтора десятка лет. Ощущение, что они менее случайные, чем то, что мне не прислали никаких задач на сегодня, крепло с каждой минутой. Его крепость напомнила мне о некотором желании выпить свежесваренного кофе, и так я нашёл себе отдушину. Отправляя письмо-запрос работодателю, я решил для себя, что задания, наверно, будут позже, а сам спустился вниз, на кухню, где организовал процесс создания 1,3,7-триметил-ксантинового зелья.

Волна за волной, медленно, но верно, нарастал рингтон мобильного. В нашем семействе только я пользовался рингтоном, в то время, как мама с отчимом, будто бы боялись исков к киностудии, где снимают фильм имени их жизни. Конечно, вибрация телефона часто была менее раздражающей, но и часто не оставляла шансов – дозвониться. К выбору рингтона я подходил основательно и потратил около сорока восьми часов, прежде, чем на что-то решился. Итоговая мелодия практически никак не нарушала мою стабильность.

– Алло, – начал я диалог.

Звонила мама. Я услышал пачку претензий на тему того, что я отключил телефон. С горем пополам я смог вставить свою реплику на тему того, что кто-то звонит на домашний, пытаюсь меня напугать. Мама ещё помнила прошлый раз и не стала более оспаривать моё решение.

Вместе с кофе я вернулся обратно в комнату. Немного приоткрыв окно, я пустил внутрь часть длинного хвоста свежего воздуха, пара глотков горячего напитка и вовсе привели меня в чувство, но тема смерти расплзалась в воздухе, оставляя его душным и разогретым. Извиняюсь за выражение, но – смеху ради – смеху ради, я распечатал фотографии жертв предполагаемого маньяка, развешав их по стенам комнаты, попутно думая, что оригинальный маньяк тоже мог делать что-то подобное. Затем я открыл свой малочисленный список друзей в единственной социальной сети, где был зарегистрирован, ибо, каюсь, имел периодическую склонность прожигать жизнь в многопользовательском онлайн-мире эльфов и единорогов, начав обдумывать, кого может зацепить это проклятие дальше. Главным кандидатом был толстый и уродливый парень, который зарастал мхом в своей роскошной квартире, проедаая миллионы, которые ему оставил богатый родственник. Я продумывал мир после моей смерти, будто диктатор.

Телефон зазвонил.

– Да, мам, – машинально ответил я.

– АЛЛО!

Волна холода пробежала по коже, вышибая капельки пота.

– Тебе не кажется, что пора прекращать сюда звонить?

– Я СЕЙЧАС ПРИДУ! ЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

Я сбросил вызов. Мысли о том, что звонящий знал номер моего сотового, давали некоторые шансы другим мыслям, что он мог знать и координаты нашего дома, который стоял у чёрта на рогах. Всё же, я не был уверен – стоит ли вызывать полицию. Кроме всего прочего, мне бы пришлось общаться с посторонними людьми, а вся эта история всё ещё имела возможность быть разводом. Шуткой. Фэйком. Обычным хулиганством. Теоретически, даже хулиганством на фоне тех событий, что нашёл я. У многих людей есть интернет, многие достаточно сообразительны чтобы вбить в поисковик пару слов. В моих действиях не было ничего исключительного. С подобным мыслительным хаосом, я бродил по дому, проверял двери, подвал, чердак, и всё прочее. Запирал то, что запиралось, и радовался запертому ранее.

Одно из окон первого этажа не хотело закрываться. Я дёрнул сильнее, и оно открылось в другую сторону, выбрасывая меня на свет божий. Свист и гул в ушах, уходящий внутрь черепной коробки. Я снова был маленьким мальчиком. Я брёл по городским улицам, меня манил маленький переулок. Ооо, ностальгия росла, как на дрожжах. Эти запахи выпечки уличных торговцев, мусора, парфюма и крысиного помёта. Я совсем забыл, каково это. Чем дальше я шёл, тем меньше оставалось позитивных оттенков в общем фоне, и запах всё более обретал форму зловонности. Вокруг уже сновали другие люди, парфюма не знавшие. Вероятно, бездомные. Они не обращали на меня внимание, их глаза были будто глаза мертвецов. Далее я видел уже тех, кто почти не двигался, а их тела были словно вмурованы в стены из картонных коробок и иного крупного мусора. Единственная жизнь, что теплилась здесь, шла от горящих бочек, чей жар подогревал самый важный оттенок зловония. Сладкий, приторно-сладкий. Он

пугал, но мои ноги сами несли меня к тому месту, что, вероятно, было источником. Я почти перешёл на бег. Огни большого города мерцали передо мной, посреди дня. Неоновые вывески, светофоры, фонари. И какая-то птица настойчиво колотила меня клювом по голове.

Я открыл глаза. Видимо, на нервах я отрубился прямо на полу, опираясь спиной на шкаф. Я был в своей комнате, а не на кухне, как я ожидал. Дверь была закрыта, а неизвестного происхождения доска стучала мне по лбу, норовя выпасть из ослабевающих рук. Я нарёк её оружием, и положил своё оружие на пол. Переставать нервничать было некогда, и целью стало найти что-то посерьёзнее, чем доска, ведь в доме я был не один. Снизу доносились шаги, и я совсем не собирался геройствовать, ведь я и мирные контакты не переношу, но я всё же видел жизненную необходимость в обладании сувенирной битой, которая стояла в моём шкафу для одежды. Осуществив задуманное, я начал звонить матери. Гудок-другой, и звонок обрывался. Я повторил несколько раз. Потом набрал отчима. Результаты были неутешительные. Следующим логическим шагом я, конечно же, видел звонок в полицию. Здесь у меня получилось лучше, и даже операторы не были заняты. Меня долго пытались вывести из дома, в безопасное место, но потом до них, видимо, дошла полная картина обстоятельств, и мы пришли к соглашению, что я сижу дома, в своей комнате, и не высываю носа. Они не сказали, что мне делать, если кто-то попытается открыть дверь, но тут возможно фобии придут мне на помощь, и я даже не узнаю, что умер. Подключив к решению проблемы логику, я подпёр шваброй дверную ручку, и заложил дверь тяжёлыми предметами.

Пока я был в отключке, на улице расправил крылья вечерний сумрак, создав просто идеальную тишину. Первый раз в этом месте звуковое природное оформление достигло подобной кондиции, и я бы даже порадовался при иных обстоятельствах. Сейчас же это был эталон не комфорта, но зловещести. В этой тишине раздался стук. Радовало то, что стук был не в дверь комнаты. Кто-то колотил во входную, и я, сперва, тоже не мог понять, кто там может быть. Логика снова пришла на помощь, намекая на прибытие полицейских. Стук повторялся. Я выглянул в окно, но с моей стороны не было видно ни машин, ни людей в форме.

– Мы заходим!

Раздался громкий топот, грохот от разбитого стекла и крики. Очевидно, что бегство получилось слишком шумным не для меня одного.

Полицейские всё-таки вошли в гостиную, так что мне пришлось разговаривать с ними со второго этажа – я сидел на площадке, над лестницей, чтоб видеть их. Двое патрульных, которые смотрелись крайне анекдотично – толстый любитель пончиков и его высокий и худой напарник, рыжий ирландец, порывающийся закурить у меня дома. Я чувствовал, как перегорают последние нервы, каждый раз, когда я требовал у него убрать сигарету и затушить Зиппо. К концу разговора со стражами закона, я чувствовал себя абсолютно выжатым, и их речи абсолютно не были елейными, скажем так. Мало того, что они зашли в дом, уронив кое-что из мебели и предметов интерьера, так они ещё и упустили человека, чьё присутствие в доме было не только ещё менее желательным, но являлось потенциально опасным. Впрочем, они будто бы не видели в этом проблемы. Мне, разумеется, клятвенно пообещали оставить патрульного возле дома на какое-то время, да ещё и, вроде как, рейнджеры должны были за домом присматривать, но легче от этого не становилось. Преступник мог вернуться через месяц. Через год. Если допустить, что моё небольшое расследование и этот случай проникновения со взломом были как-то связаны, то зарождались новые сложности, ведь раньше у него не возникало проблем, а теперь, действия этого человека было предсказать сложнее. Вернее, практически невозможно, ведь патрульные даже не слышали о тех убийствах, что я нашёл в интернете. Разумеется, комментировать что-то по конкретному случаю, они тоже отказались.

Было желание устранить бардак, но одиночество мне не грозило в ближайшее время. Имел место явный взлом, явное проникновение, явное нежелательное присутствие, а значит моя гостиная стала местом преступления. Они загородили вход лентой с улицы, и отгородили меня с динозавром от гостиной. Радовало, что я, по крайней мере, могу попасть на кухню. Разумеется, только в теории, ибо такого скопления людей я не помнил уже очень давно. Всё то время, пока по моей гостиной ползали те, кто что-то понимают в отпечатках грязных ботинок и пытаются отделить их от того, что оставили горе-патрульные, я сидел на втором этаже, накачавшись успокоительными. Я представлял, что я смотрю увлекательный сериал, вроде «Criminal Minds» или «C.S.I.», но это не очень-то помогало. Надо сказать, что полицейские манипуляции с моей гостиной заняли не так уж много времени, ведь никто не умер, но для меня их присутствие стало прямо-таки вечным бдением. Всё то время, пока я смотрел мой персональный криминальный сериал, я пытался дозвониться до мамы и её мужа, но снова безуспешно.

Утром, когда все разошлись, оставив лишь пёструю ленту, которая морально кусала любого желающего посетить мою гостиную, в том числе меня, желающего навести порядок, я всё же решил лечь спать. Перед этим, несмотря на подозрение, что не совсем имею право это делать, с точки зрения законодательства, я закрыл разбитое окно в двери чёрного входа, использовав фанеру и какие-то доски, найденные мной среди кучи хлама в подвале. Перед тем как лечь спать, я всё же проверил рабочую почту и, убедившись, что работодатель забыл про меня, с чистой совестью отправился кормить игуану салатом. Было не лишним перекусить и самому. Я сделал пару сэндвичей – один с ветчиной, а второй с джемом, но как-то аппетита совсем не наблюдалось. Откусывая крупные куски, не ощущая вкуса, и запивая их соком, я смотрел, как управляется с зеленью дракон, и думал о произошедшем. Увы, до возвращения родственников должно было пройти ещё некоторое количество времени, их мобильные так и не отвечали, а моего последнего друга кто-то убил, так что обсудить пережитое было особенно не с кем, если откинуть сопартийцев из мира эльфов. Выбора не было, и, завершив трапезу, я всё же лёг и успешно уснул, предварительно закрыв всё, что закрывалось, и забаррикадировав всё, что не могло или было сломано.

Если всегда спать днём и просыпаться с наступлением темноты, то, обычно, очень быстро переходишь на такой режим. Мне он, в принципе, подходил, но, думаю, мои домочадцы, его бы не одобрили. Примерно с такими мыслями я проснулся и осмотрел свою комнату, окутанную зловещим мраком. Выключенный компьютер тонко намекал, что электричества не было. Если бы события как-то сдвинулись вперёд по реке времени, то, вероятно, всё бы произошло совсем иначе, и я бы увидел свой разряженный телефон, который не смог позвонить. Но заряд ещё имел место быть, и это снова произошло.

– Аллю.

– АЛЛО.

– Это опять ты? Не надоело?

– АЛЛО!

– Да что ты заладил? Говори уже! Полиция следит за домом.

Во всяком случае, так мне сказали.

– Я ПРИШЁЛ.

– Я видел. Ты... ты разбил стекло... в двери.

Собеседник отключился.

Прошёл ещё один день. Мой сдвинутый день. Я занимался, большей частью, размышлениями, а перед тем, как лечь спать, я доработал укрепления и превратил свою комнату в непри-

ступный бастион. Если что-то и можно было предпринять в больших объёмах – это сжечь дом. Ну или, к примеру, пустить внутрь газ. Что-то глобальное. Чтоб не допустить проникновение через окно, что, правда, было весьма трудной задачей по причине отсутствия осязаемых выступов по ту сторону, я закрыл его шкафом, который подпёр кроватью, на которой спал сам. Сейчас я решил эти баррикады разобрать, так как хотел посмотреть – стоит ли патрульная машина на положенном месте. Кое-как я сдвинул шкаф, чтоб, разумеется, не обнаружить там полицейских, но, к ужасу, заметить человека, слоняющегося у меня под окнами. Я даже подумал, что это могут быть те самые рейнджеры, но тут он поднял взгляд прямо на меня, и его небритое лицо исказилось в гримасе с настроением, которое я не смог определить. Через секунду он удалился к, судя по всему, парадному входу в дом. Что ж, на этот раз я решил не тянуть, и сразу начал звонить в полицию. Моя гражданская сознательность не увенчалась наградой, так как все операторы были заняты, а после связь оборвалась. Телефон показывал одну грустную палочку сигнала, а, судя по тяжёлым тёмным облакам, ночь обещалась быть наполненной грозой. Я не боялся грозы, я боялся того, кто, судя по грохоту, выбивал входную дверь, которую я заколотил доскам и припёр шкафом. Сил у него не хватило, и через секунду шум уже разносился со стороны чёрного входа, который ему так понравился. Затем раздался грохот – фанера упала на пол, а следом и мой боевой настрой, ведь я понял, что чёрный вход тоже следовало перекрыть. Секундная тишина, и вот шаги уже внутри дома. Я стоял возле двери в комнату, пытаясь на последних процентах зарядки дозвониться до полиции левой рукой и держа битую правой – самому сейчас интересно, как я планировал отбиваться таким образом. Из недр дома не доносилось ни звука. Незванный гость затих и стоял на месте. Звон стекла. Вылетело окно, которое было до тех пор целым, а следом раздался грохот, издаваемый падающими предметами интерьера, как я полагал. Внезапно незнакомец закричал так истошно, что мне захотелось кричать в ответ. А далее снова наступила тишина. Я прикинул, что, скорее всего, он пытается меня запугать, и для этого он кричит и бьёт окна. Смысла в этом было немного, ибо его действия явно работали лучше всякого крика.

Проходили минуты. Затем часы. Я сумел дозвониться до полиции, но они так и не приехали. Телефон успешно помер, а домашний был внизу. Я коротал время, вода битой по стенке аквариума и наблюдая за реакцией игуаны. Голод и необходимость заполучить средства связи тонко намекали мне, что придётся покинуть крепость, хотя это было небезопасно. Разобрав баррикады, я медленно приоткрыл дверь. Во всём доме стояла мёртвая тишина, которую теперь не прерывал карманный монстр, зато успешно разбавляло моё сердце, стучащее, будто поезд, летящий через остросюжетную ночь на всех парах. Прямо под откос. Я сделал пару шагов в сторону лестницы. Пол предательски скрипел, но это не спровоцировало небритого мужчину выскочить на меня с ножом, бензопилой или криками по поводу моих нестабильных мозгов. Так, медленно, но верно, я спустился на первый этаж, подсвечивая дорогу фонариком.

Гостиная встретила меня в примерно том же виде, что и до второго вторжения. В остальном, я наблюдал три отличия. Во-первых, была напрочь разворочена дверь чёрного входа. Взломщик перестарался и снёс дверь вместе с петлями. Вторым отличием было то, что одно из окон, что были недалеко от парадного входа, так же отсутствовало. То, что осталось от него, валялось снаружи. Вместе с частью стены. Скорее всего, через него утащили половину незнакомца, ведь его ноги сидели прям в кресле, посреди комнаты. Это номер три. Я смотрел во все глаза на этот кусок человека, на вывернутые внутренности, часть из которых валялась рядом, и пытался не вытошнить собственный желудок по соседству. Одному богу было известно, что случилось здесь, но он не отвечал мне. Пятясь, я начал возвращаться в комнату. Там я откопал ботинки, нашёл свой паспорт, надел куртку, и предпринял попытку извлечь недовольствующее животное из аквариума. В этот момент дом затрясло. По крыше что-то ударило, и кусок, видимо, кровли пролетел мимо окна, к которому я кинулся, на ходу засовывая питомца во внутренний карман. Как только я начал открывать створку, что-то мерзкое, цвета сырого мяса,

похожее не червя, проскользнуло мимо, и я отпрянул. Оставалось ещё два выхода. Я выбрал тот, где дверь уже не нужно было открывать. Заглотив дикую дозу успокоительных и, молясь, чтоб сердце не остановилось, я побежал вниз. Торопясь, я конечно же забыл схватить с собой битку, потому схватил шеф-нож из подставки на кухне и огляделся. Условный червь мелькнул мимо парадных дверей, так что выбора у меня, по сути, не было. Я побежал к чёрному входу и выскочил наружу. Всё во мне сжалось, но я продолжал убежать, вдыхая ночной воздух, слыша, как позади разрушается мой дом. Забор не был мне помехой, так как валялся по всей округе в таком виде, будто бы его пропустили через мясорубку. Зачем? Зачем я решил обернуться? Это было лишним, но время не отмотаешь. Хотя, я подозреваю, что ОНО не знает слово время, а я не знаю, как называть эту штуку, кроме как ОНО. Студенистая мерзость сидела на крыше моего дома, облепив её и весь второй этаж. Из его тела, сползающего вниз, будто тающее мороженное вылезали щупальца, которые сокрушали созданное человеком. Щупальца пролезали в окна, дробили черепицу, вытаскивали мебель наружу, будто потроша здание. Гроза дала первый залп, осветив картину, представив мне весь сюрреалистический ужас. Я закричал и бросился прочь, убегая всё дальше в сторону леса. Я увидел, увидел, что существо было слеплено из множества тел и частей тел, взятых от различных людей. Я видел там и полицейских, и свою родню, которые махали мне, смотря пустыми глазницами и улыбаясь, и я увидел некоторые лица, которые раньше смотрели на меня лишь с фотографий в интернете. В плоть были вживлены многочисленные мобильные телефоны, которые постоянно звонили, а в одном из щупалец была зажата трубка, соединённая, судя по всему, с телефонным кабелем. У существа была и своя страшная морда, отдалённо напоминающая лошадиную, если с неё содрать кожу, и к этой морде была приставлена трубка. Я почти слышал это замогильное «АЛЛО!», выходящее из мерзкой пасти. Морда посмотрела на меня, и я узнал эти два горящих глаза. Эти огни большого города, два мёртвых фонаря Неонового Некрополя. Те, что ослепили меня в детстве, поселили страх в моей душе. И, хоть тогда я и спасся, но попал прямо в сети немыслимого существа. Оно издало громкий вопль мне вслед. Скрываясь в тени пихт, я знал, что больше мы друг друга не забудем.

С легионом младых

Я заглушил двигатель своей свежевзятой в кредит KIA, немного посидел на месте, а затем вышел на свет божий. Нет, с такой формулировкой, я явно погорячился. Всю дорогу меня мучала жара и солнце, висевшее в полуметре над Землёй, но именно в том месте будто некто ввёл в стазис период сумерек, отпуская его лишь для становления ночью. Да и кому принадлежало то место, сказать было сложно. Хотя, со временем, некоторые догадки ко мне пришли. Особенно после изучения полуразвалившихся томов, особого толка, которые мне, после долгих убеждений и споров, на пару часов представил один московский библиотекарь. Истинно проклятые книги, которые он в своё время спас от уничтожения и прятал на чердаке, пока не сменилась власть в начала девяностых.

Вдохнув, глубоко вдохнув воздух, я понял, что запах всё же остался знакомый. Из детства. Он стал более, скажем так, жидким, ведь из деревни, где я провёл все дошкольные годы, да и часть школьных, практически полностью исчезло присутствие людей, а, соответственно, отсутствовали и сельскохозяйственные животные. Единственным человеком, по моим данным, должен был быть охотник Василий, чей дом находился немного в стороне. Мне дали его контакты на крайний случай, но лично мы знакомы не были никогда. В любом случае, сейчас я это больше не называю деревней. Я обычно говорю ТО МЕСТО.

Я шёл по сухой земле в трещинах, по направлению к тому, что раньше было дедовым домом, собираясь перепарковаться, когда пойму, где лучше это организовать. В моей памяти это было не особенно крепкое строение из бруса с покатым полом. В памяти моего отца это был достаточно неплохой дом, в котором не грех было и зимовать. Сейчас я ожидал там увидеть, в лучшем случае, целую крышу. Казалось бы – зачем мне сюда ехать? До конца мне это и не было ведомо. Возможно, я просто захотел провести выходные в месте, которое я когда-то любил. Стоит признать, у меня иногда даже были идеи приезжать сюда чаще, привести дедов дом в божеский вид, проводить здесь лето. Идеи растворялись так же быстро, как дорожки водометок на местном пруду. Мёртвая деревня никак не предрасполагала к тому, чтоб в ней весело проводить время. Она прям была противоположностью этой идеи. Стоит сразу же открыть все карты, мне кажется. Была ещё одна причина, по которой я сюда приехал. Мне стоило сразу сознаться себе, что она была основной. Мне стоило подготовиться.

Добравшись до дедового дома, я обнаружил, что внутри вполне можно находиться. Была цела крыша, стены и даже печь. В пыльном буфете, чьи стёкла в дверцах давно не пропускали свет, была целая посуда, какие-то доисторические пакеты чая и даже банка варенья, которая, впрочем, наполовину состояла из плесени. Из окна, засиженного мухами, некоторые из коих бездыханно лежали на подоконнике, виднелся огород, заросший трёхметровой травой, а позади него – лес. Я снова вышел наружу. Лавочка возле пустой будки и перевернутый стол рядом предлагали устроить пикник. Пройдясь по двору, я заглянул в хозяйственную пристройку, с удивлением, обнаружив там запас дров. Видимо, они лежали с последнего отцовского пребывания в доме. Последней его ночи, когда он дал дёру отсюда, обгоняя ветер. Потом он сидел на кухне, в нашей городской квартире, хлебая водку и рассказывая мне какой-то абсурд. Абсурд. Этот абсурд недавно начал сниться мне, и так явно, будто я ходил по этому огороду, раздвигая руками конопляно-крапивную чашу.

С одной стороны, отцу я тогда не особо поверил, с другой – это, в принципе, сочеталось с тем, что помню из своего детства я. Из той его части, которую я проводил тут с дедом, пока он был жив. Бытие тогда было похоже на какую-то магию, которая рассеялась, когда мне стукнуло лет семь-восемь, точно не помню. На тот момент, я уже начал ездить сюда с родителями, и с дедом мы «виделись» несколько раз в году, разве что. Я порой рассказывал про те чудеса,

но мне никто не верил, надо сказать. Правда, я уверен, что дед лишь изображал недоверие. Разница между мной и отцом, когда ему открылась обратная сторона этого места, что я не испугался. Я был восхищён тогда. Если б я испугался, то может быть и не вернулся, но тогда не стояла бы точка в этой истории, а я продолжил видеть сны, похожие на бред морфиниста до победного. До победного конца.

Я вышел со двора, забив на запирающие двери, и отправился к местному кладбищу, думая, что может дед мне и ответит, что я тут делаю. К кладбищу вела центральная улица, но я не помнил, имени кого она там, а указателей уже и не было. Удивительно, но над головами ещё были линии проводов. Можно было предположить, что некоторые дома были подключены к электроснабжению, хотя, они, разумеется, вряд ли сохранили внутреннюю проводку, и всё прочее, да и никто уже очень давно не платил по счетам. Я был умнее этого упадка и угасания, и приехал сюда с несколькими пауэр-банками. В крайнем случае, придётся подружиться с Василием.

Я в красках запомнил вечер, когда отец прилетел на все парах из этого места. Весь, то краснеет, то бледнеет, трясётся, воду глушит стаканами, а потом вот – и за водкой полез. Мать тогда была в гостях у наших родственников, так что некому было отбирать у него бутылку. Я же решил, что он уже в стельку пьян, и просто радовался, что он как-то добрался домой на целой машине, планируя утром с ним обсудить небезопасность таких действий. Вдруг, отец вполне трезво и даже сдержанно выдал

– Антон, садись, дело есть.

Я присел за кухонный стол, с интересом смотря, что дальше будет делать батя. Он немного потоптался на месте, рассеянно развёл руками, навернул ещё стопку, и плюхнулся на стул. Я понял, что ошибся, и отец был трезвым, даже с учётом того, что он успел осушить после приезда.

– Антоха, такое дело. Помнишь, соседа нашего, по даче? Рядом с дедом жил. Пётр его, вроде, звали.

Я кивнул.

– Так. Так вот. Вооот, – он посмотрел в сторону початой литрушки, покачал головой, и отвернулся обратно ко мне, – Ты тогда любил ходить к его козам. Помнишь? Помнишь же, да? Потом какие-то истории охерительные рассказывал, а мы все ржали.

– Да, я помню. Прекрасно помню.

– Так вот. Сижу я, значит. На столе собираюсь расставить салатки, настоечку, все по красоте сделать, и тут слышу бляение. «Беее» практически посреди ночи. Сколько там времени было? Да... много уже. И всё со стороны огорода, а козы-то те всегда к нам на огород лазали.

– Это же очень давно было.

– Так-то то и оно, Антох. И Пётр помер, и дома его уже нет, и коз давно нет во всей деревне. Там живёт три калеки, какие козы? Вроде куры у кого-то были. Я и удивился потому. Сижу-сижу. Слышу, опять бекает. Думаю, пойду, схожу. Может животное в яму попало. В лесу конечно дикие козы не водятся, но, а что? А вдруг?

Он всё-таки взял бутылку водки, но правда достал из холодильника бекон. Налил в гра-нёный стакан, предложил мне стопку, я отказался. Он опрокинул один крупную порцию, закусил мясом и продолжил.

– Иду я по огороду-то по нашему. По средней тропке, к парнику с огурцами. Осматриваюсь, телефоном свечу. Оно молчало, молчало, потом как заблеет. Я чуть телефон не уронил. А

оно, знаешь... из высоких кустов крапивы орёт. Я всё собирался их скосить, да руки не доходили. Я палку взял, раздвинул, а там козёл. Стоит и орёт. Тот самый козёл, Антоха. С белым крестом на голове.

Я помнил этого козла. У него на голове, на лбу, шерсть и правда росла белой и в виде перевёрнутого креста. Почти ровного. Но это было в моём далеком детстве. Сколько там живут козы? Лет десять? Да и мы все прекрасно помнили, что когда Пётр помер, то его коз продавали на мясо. Нам в том числе.

- Пап, лет пятнадцать прошло. Откуда ему там взяться? Ты что-то путаешь.
- Да ты подожди. Козёл – это вообще фигня.

Батя глубоко вздохнул.

– Я правда не пил на тот момент. Не успел. Реально вот козёл стоял в траве. Я его палкой оттуда выгнал, и он ко мне вышел. Встал и блеет. Я его прям осмотрел, и вижу этот крест на лбу. Думаю, может тот старый козёл как-то потомство вывел, а оно одичало. Я не знаю, может ли окраска передаваться. Да это пофиг, тоже пофиг. Я его собрался до дороги довести. Там сеть ловила, думал – позвонить куда, спросить, что с ним делать. Палкой подгоняю, он вроде идёт. А дома нет. Бесконечный этот проклятый огород. Я как осознал, у меня аж в желудке холодно стало. С одной стороны лес, с другой просто ничего. Бесконечное картофельное поле. Я уже решил, что я с ума схожу. Стою, думаю, как мне поступить. Пошёл в итоге к лесу, там ведь тоже можно пойти к трассе, а по ней вылезти на деревню. Вроде и выход нашёл, но всё это какой-то бред же, и прям неприятное ощущение, будто траванулся. Но я всё надеялся, что лыжи не едут. Добрели мы, значит, до леса с этим козлом. Он будто прям знает куда идти, и уже даже не орёт. Смотрю, коряга знакомая. Большая такая. Я на ней порой с дедом твоим сидел, пока он живой был. Киряли мы там, да. Сижу, смотрю на козла. Он со своими глазами этими – меня сверлит. Вдруг слышу голос. «Спасибо, что привёл», – говорит. Я прям слышу, что это Пётр. Ты его застал старым, а я его моложе помню. Вот как тогда голос и был. Я с коряги соскочил, оборачиваюсь, а там, в самом деле, Пётр стоит. Ему лет тридцать на вид, моложе меня, а должно быть уже... ой. Много.

Отец маленько отдышался. Посмотрел куда-то в окно, опрокинул ещё водки, помолчал, а потом посмотрел на меня. Взгляд начал немного расплываться от алкоголя, но говорил он твёрдо.

- Посмотри на небо.

Я выглянул в окно, и там было редкой красоты звёздное небо. Будто бы нарисованное. Редко, когда можно было увидеть столько звёзд, с учётом местного смога, слегка разбавленного атмосферой.

- Что ты видишь?
- Небо сегодня красивое.
- Много звёзд, да?
- Да, не совсем обычно.
- Над тем местом они высыпали практически днём. Они были вокруг нас, понимаешь.
- Это как?

– Вот так. Пётр там стоит, что-то мне вещает. А я его не слышу. Я только стою и тарашусь на него, козла его этого, чтоб он сдох, и на звёздное небо от горизонта и до горизонта, а тогда ещё чуть вечерело. И цвета такие... я таких никогда не видел. Будто оно глубже просматриваться стало, понимаешь?

Больше я не добился у отца ничего внятного. Из остатка беседы я понял, что он потом выбежал на трассу, вышел к машине, и уехал, побросав все вещи. Бред? Бред.

Кладбище было так же мертво, как и вся деревня. Вернее, оно было мертво даже больше, но первый раз от своей природы, разумеется. Меня встретил иной лес – покореженных памятников и сгоревших да разошедшихся деревянных крестов. Памятники были старше, а кресты появились из того времени, когда хоронил, кто придётся, и не всегда ясно – кого. Меж рукотворных нагромождений, истерзанных стихией и временем, петляли разбитые дорожки, многие из которых вели просто в кусты, или в поле. Я ходил и всматривался в фотографии умерших. Практически все они выцвели, или были оторваны, на что указывали повреждения, неизвестными вандалами. Я петлял между могилами, некоторые из которых были отчерчены штыками развороченных оградок. Найти в этом хаосе памятник деда было практически нереально. Помогал лишь тот факт, что могилу деда иногда навещала мать. Я с ней давно толком не общался. После того вечера, как отец пил водку и рассказывал дичь про бескрайний космос, он сильно изменился. Ушёл с работы, начал коротать время с бутылкой, но даже толком не напивался. Просто смотрел грустно в стену или в окно. Сейчас он практически меня не узнаёт, а мать решила... вести собственную жизнь. Она воевала сколько могла. И вот я здесь. Стою, и смотрю на относительно свежоокрашенный памятник, искусственные цветы, воткнутые сбоку, и лицо деда, через естественный режим сепии. Была использована его фотка с паспорта, но она была удачной.

Отец отъехал в мир собственных иллюзий, и мы научились жить дальше, каждый по-своему. Кое-как, но мы справлялись, как вдруг мне начали сниться эти сны, из-за которых я и вернулся. Мало того, что они были сюрреалистичными и пугающими, они ещё и эффективно пробуждали воспоминания из той части моего магического детства. Я ведь почти прописал их в помещении для выдумок.

– Дед, а дед. А давай завтра пойдём за грибами, а?

Я лежал на раскладушке, как сейчас помню. Укрывался я тогда допотопным лоскутным одеялом, которое сшила бабушка, но её я помнил совсем плохо. Не то чтоб мне было холодно, ведь на дворе был июль, но температурные режимы деревянного дома имеют свою специфику. Дед сидел на диване, докуривая махорку перед сном. Этот дым всегда стоял в его доме. Даже сейчас будто что-то осталось, и тому виной, я полагаю, залежи табака на чердаке.

– Не, Антон. Завтра мы ничего делать не будем. Погода будет плохая.

– В прогнозе по радио сказали, что будет тепло.

– Мало ли что там сказали. Ты это... завтра лучше ягоду собери. Надо бы варенья сварить.

Он закашлялся, а я лежал и думал, что такая перспектива меня не совсем устраивает.

– Дед, а это...

– Ась?

– А на рыбалку пойдём тогда? Когда отец приедет. Давно не ходили.

– В выходные-то конечно пойдём. Должна быть хорошая погода.

– Откуда ты знаешь?

Он посмеялся. Сейчас-то я знаю, что он это выдавал по каким-нибудь приметам, или даже от балды, так как на следующий день стояла адовая жара, а с субботы началась десятидневка дождей. Но тогда... Тогда я лежал, засыпал, дышал перегоревшим табаком и думал о классных выходных. Как наловлю я окуньков, или что-нибудь круче.

– Беее!

Дед затушил остаток самокрутки и посмотрел в сторону окна. Сев на раскладушке, я тоже прислушался. Блеяние повторилось. Дед заматюгался, схватил дубину и полетел наружу. Козёл опять пожаловал к нам в огород, и это был уже третий раз за ту неделю, и я тоже выскочил наружу, не знаю зачем. Чем-то хотел помочь. Помню, как дед гонял палкой козла. Чёрного, с крестом на лбу. Как кричал на соседа, который разводил коз. Но это воспоминания из детства, редкие, отрывочные. Сон нарисовал мне всё тот же безмятежный разговор, дополнив его специфическим сиквелом. Очень яркий, очень детальный сон. Будто я смотрю старую запись. Вот уже дед выбегает не с палкой, а с ружьём, и стреляет, стреляет в этого козла, а ему всё равно. Стоит, смотрит своими жуткими глазёнками, да блеет порой. Потом пришёл хозяин козла, Пётр, и дед ему угрожает, а Пётр молчит и смотрит, а я смотрю на него, но не могу понять, как он выглядит, во что одет, и просыпаюсь от головной боли. Раз за разом. Перспектива отправиться в след за отцом в объятия спасительного безумия меня не устраивала, и я решил приехать на место, которое меня так звало. И пока – что? Пока результатов я не увидел. Памятник был молчалив. Самое главное было то, что я не мог разглядеть Петра, но я чётко видел небо в своих беспокойных снах, и оно было, как описывал отец в тот вечер. Глубочайшее, множества цветов и оттенков, усыпанное звёздами, и будто бы полностью прозрачное.

С этими мыслями я вышел с кладбища, и отправился в сторону той части окружающего меня леса, где батя, в своё время хотел найти выход из ситуации, а нашёл вход в мир безумия. Я брёл вдоль нашего поля, заросшего травой, которое когда-то стало бесконечным. Наградой на финише стала коряга. Я уж не знаю, была ли это всё та же коряга, о которой рассказал отец, но сидеть на ней было можно, чем я и воспользовался. Полено было очень мощным, и не было понятно, откуда оно вообще здесь взялось, так как вокруг росли достаточно молодые деревца. Как бы то ни было, а его начало конца уже было положено, ведь насекомые глодали его правую сторону, что есть мочи. Бог знает, сколько времени им понадобится.

Позади послышались шаги. Обернувшись, я увидел, как ко мне выходит мужчина крепкого телосложения, лет сорока возрастом. С ним было ружьё, а плечи оттягивал тяжёлый рюкзак. Я сделал вывод, что это Василий, про которого мне сказали. У меня были мысли, зайти к нему, расспросить его, но я так и не продумал, что именно я буду спрашивать. Не хотелось бы грузить незнакомых людей ахинеей про бессмертный домашний скот.

– А я уже и не думал, кого здесь увидеть! – пробасил охотник, – Настоящая мёртвая зона, людей сюда годами не заносит.

Он подошёл поближе, я встал и протянул ему руку. Он пожал её своей огромной ладонью. Как у великана.

– Меня Антон зовут. Мы тут когда-то жили, – сказал я.

– А я Вася. Василий. Васёк. Как хочешь. Как удобнее. Как говорится, только в печку не ставь. Ты понимаешь. Чего припёрся-то?

– В деревню-то?

– Да что в деревню, что в лес этот. Нечего тут особо делать. Разве что птицу стрелять. Да зайца.

– А это вообще законно?

– Чё приехал, спрашиваю? – он усмехнулся.

Мы сели на корягу. Он достал фляжку с неким напитком и предложил мне. Я согласился – планов вести машину в ближайшие ступицы не возникало. Покопавшись в рюкзаке, он дополнил картину кружкой, хлебом и салом. Часть напитка из фляги, он налил в эту кружку, и подал мне. Я попробовал. Мне явно предстояло иметь дело с самогоном, выходящим за пределы классического сорокаградусного предела, но это было даже интереснее. В алкоголе явно чувствовался вкус каких-то трав и ягод.

– Жена делает, – Василий протянул флягу, чтоб чокнуться – Я рецепта даже не знаю. Всегда одинаково гонит. Мне нравится.

Метал звонко стукнул. Ещё пара глотков пустила потоки огненной воды по организму, разогревая мою говорливость. Смысла в закуске было не очень много – напиток был великолепный, так что я начал свой рассказ, местами сбиваясь, но стараясь передать какую-то логику действий.

– То есть ты даже не особенно знаешь, что ты тут ищешь?

– Если сны из детства что-то значат, если батя не объелся тут каких-то грибов, то где-то здесь суть моих кошмаров.

– А ты не боишься, что кошмары станут сильнее? Вероятно, даже ощутимее. Ты можешь случайно коснуться ту сторону пальцами.

– В смысле?

– Не знаю, ел ли твой отец что-то или пил, но я тут часто нахожусь. Порой и зимой. Это место очень странное. Какая-то доля правды есть в твоих рассказах.

Он зажевал кусок сала и залил его сверху новой порцией алкоголя.

– Ты сколько собираешься здесь пробыть?

– Завтрашний день ещё. Послезавтра думаю уехать.

– Тогда всё не так и плохо. Как я сказал, я тут частый гость, и вижу порой всякое. Примерно через неделю, если мои подсчёты верны, здесь должно начаться настоящее свето-представление. Небо раскрашивается какими-то дикими цветами, а лес становится просто непроходимым, и деревья уходят куда-то вверх, будто они это небо подпирают. И листва, и хвоя практически чёрные в такие дни. Я один раз видел, а потом бежал так, что ружьё потерял. Долго я его искал потом, и нашёл на другом конце деревни, вообще. Не знаю, как так получилось.

– Убегал от этого леса и неба?

– Не только. Там внутри, в лесу, появляется что-то. И звуки такие странные. Я полностью это нечто никогда не видел, да и рассматривать не хочу. И тебе не советую. Больно ты близко рос с какой-то чертовщиной. Мало ли что.

Мы допили самогон, говоря уже об иных вещах. Василий пригласил завтра в гости. Обещал приготовить какую-то дичь. Я был очень даже «за», припоминая, что у меня в машине должна валяться бутылка неплохого коньяка, которую я так кому-то и не подарил. Пошатываясь, я брёл домой, смакуя во рту вкус копчёностей, усиленный крепким напитком.

Зайдя в дом, я убедился, что спать там особенно негде. Диван, выдавший виды, прогнулся и покосился на один бок. Или что-то прогнило в диване, или в полу, или всё сразу. Был бы я трезв, я бы может и посвятил ночь решению этой проблемы, но в состоянии, когда мозг оку-

тывают паутиной не только алкоголь, но и неназванные травы в сочетании с усталостью, заниматься ремонтом – дело несколько сомнительное. Тем более ремонтом, который вряд ли увенчается успехом. Последний раз в доме что-то переделывал ещё дед, а, если знать его методы, то это было что-то очень «из подручных средств». Приняв ко вниманию все переменные этой задачи, я сходил в машину, вытащил из багажника пенку, а со двора приволок какие-то доски. Пенка была уложена на доски, опробована, и занесена в перечень удобных лежаков. С мыслями о том, что хочется перед сном опрокинуть кофе, в этот самый сон я и погрузился.

Прошло какое-то количество времени. По моим ощущениям – значительное, потому что я успел выспаться.

– Беее. БЕЕЕЕ.

Я открыл глаза. Вокруг всё расплывалось, и я с трудом сообразил, кто я и что я. На похмелье похоже не было. Я потряс головой, что не вызвало болевых или иных дискомфортных ощущений, но вот так и не собрало реальность во что-то разумное. Держась за стенку, я побрёл по коридору. Только спустя пару десятков шагов, я сообразил, что в доме нет столько пространства, да и нет никаких коридоров. Диван и вовсе стоял в закутке, позади печки. Я обернулся, но моё место сна уже было сожрано вырвиглазной темнотой. В тот момент, я пожалел, что я не курю, тогда бы при мне была зажигалка. Пришлось пробираться дальше, держась за стенку, и пиная ногами неизвестный мусор. Мои мучения были вознаграждены и впереди я увидел свой мобильный, который, несмотря на то, что я его выключил, решил разбудить меня, активировав будильники. С трудом я вспомнил, что оставил мобильный на улице, на столике во дворе. С ещё большим трудом, я пытался вспомнить – зачем мне будильник посреди ночи.

– БЕЕЕЕ.

Коза не унималась, а моё сердце падало камнем в пятки. Всех тех событий просто не должно было происходить. Успокаивал я себя тем, что попал в очередной свой кошмар, и, как всегда, просто не могу проснуться. Частично спокойствие приносил светящийся экран гаджета. Хотя, он тут же потух, как я оказался рядом и протянул руку. Включить обратно его я не смог, так что время было не узнать. Я начал ощупывать стену, на момент каких-то подсказок, и наткнулся на деревянную поверхность. Спустившись ниже, я нашёл и ручку. Резко за ручку на себя, и свежий воздух с силой ударил мне в ноздри, наполнив лёгкие. Я стоял на улице под давлением бесконечного неба, играющего неземными красками. Луна... Она была просто огромной. А рядом я разглядел ещё две. Чёрных и будто шевелящихся. Моя голова начала пульсировать.

– БЕЕЕЕ!

Машина стояла во дворе, что меня, сперва, крайне обрадовало, хоть я и помнил, что так и не перепарковал её. Радость была недолгой. Внутри я попасть в итоге не смог, ведь двери на тот момент подчинялись каким-то специфическим законам, разделяя пространства на блоки. Я осознавал это, но проще и спокойнее не становилось. Мне ничего больше не оставалось, кроме, как выйти на трассу и бежать тем направлением, которым я приехал. Я знал, что где-то там находится придорожное кафе, всего в пяти-шести километрах от поворота на деревню. Звучит просто, но я не мог даже добраться до этой трасы. Небо будто скруглялось, сжимая пространство, и окружая меня бездонным чёрным лесом.

– БЕЕЕЕ!!!

Яркая вспышка. Свет ослепил меня, ибо я открыл глаза на самом деле. Увиденное было подобием сна, но я всё же, в самом деле, бежал из дома. Как выяснилось, я находился недалеко от кладбища, а моя машина стояла на обочине, одной стороной въехав в условный кювет. Я не просто ходил во сне, я смог завести машину. Но это не самое страшное. Вишенкой на торте безумия было то, что отправлялся я в ту же сторону, куда и отец. К коряге. Меня звал этот чёртов козёл, и я ехал.

Телефон сдох, пауэр-банки были, судя по всему, утеряны, как и моя сумка с документами – всё рассосалось в мёртвом воздухе деревни, или же кто-то постарался лишить меня этих вещей. Машина заводиться отказалась. Радовало то, что некоторая наличность из бардачка не исчезла, а в багажнике всё ещё валялась старая торба, которую я брал на одну из вылазок на природу. В этой торбе был небольшой запас продовольствия, вроде галет и консервов. Даже нашлось сухое горючее. Разумеется, нашёлся и коньяк. Я собрал всё нужное в торбу, и отправился к домику Василия, надеясь, что он никуда не пропал. Если его нет, то в моих планах была куча каких-то сомнительных действий, в коих я не было полностью уверен. Где находится Васильев домик, я знал лишь примерно, но, нашёл строение без проблем. Весьма добротный сруб вдали от деревни. Недалеко тропка, уходящая в недра леса. Рядом с домом даже растут какие-то культурные кусты, вроде малины, явно высаженные специально. Так же я заметил будку, которая была пуста, и даже цепи рядом не было. Я постучал. Затем ещё раз. Василия не было дома. Толкнув дверь, я обнаружил, что дверь открыта, и решил зайти. Может хозяин спит, и просто не слышит меня. Сложно было предположить объёмы самогона, производимые его женой.

Внутри охотничьего домика меня ожидал простой интерьер – деревянные стулья, самодельный стол из поддонов, кровать в углу и советский комод, печка буржуйка, ещё тёплая, и карта мира на стене, где некоторые области были отмечены булавками. Рядом с картой висело фото в рамочке: семья Василия. Он, видимо, жена и сын, и собака. Будка раньше служила кому-то домом. Я уже хотел покинуть дом, но тут увидел, в тусклом свете, идущем из окна, выходящего на сторону леса, что один участок стены был весь заклеен газетными вырезками и страницами из книг. Информация преподносилась на русском лишь частично. Часть была на английском, очень много было на французском и, если я правильно понял, латыни. Только тогда я понял, что примерно половина комода занята книгами на иностранных языках, которые мне были не известны. Я стал разглядывать вырезки из газет – большей частью все они были посвящены всякой паранормальщине. То люди пропали в каком-то городе, то где-то видели огни над лесом. Классика. Ничего необычного, ведь такого конспирологического бреда всегда были полны любые медиа. Всё, пора уходить – мысль промелькнула в моей голове. Надо было. Надо было вообще уходить, но я увидел несколько небольших заметок. Совсем свежих, наклеенных поверх.

Я вышел наружу и сел на крыльцо. Следующие полчаса я провёл в своих мыслях. Ожидая хозяина дома, я рассматривал, как кузнечик довольно крупных размеров лазает по сочному стеблю вверх-вниз. Время прошло, насекомое так, очевидно, и не достигло желаемого, а мне повезло больше – Василий показался в поле видимости. Он выходил из леса, крайне довольный. Увидев меня, стал ещё счастливее.

– Антон! Классно, что ты пришёл. Зашёл бы внутрь, чего тут – комаров кормить.

Только после его слов я заметил, что комары стаями кружили вокруг меня и уже изрядно попили моей крови.

– Да, я, признаться, уже заходил. Но тебя не было, вот и решил, что лучше тут подожду.

– Ну вот и я! Заходи! Сейчас будем еду готовить. Мяса нет. Будет рыба.

У него в руке и правда была ёмкость, в которой обычно хранят в воде рыбу, после вылова. Я часто видел такую у рыбаков и в магазине возле дома.

– Оказалось, что в местной речушке полно рыбы. Ты знал? Раньше я даже не пытался здесь ловить.

Я знал. Ведь мы ловили её с дедом, когда он не ошибался по поводу погоды. Надеюсь, это действительно было.

В полу дома, как оказалось, был люк. По лестнице мы спустились в довольно-таки просторное помещение. Внизу пахло кровью, висели шкуры и на полу можно было заметить перья. Василий подтащил большой таз, слил туда воду из бутылки литров на девятнадцать, и показал куда-то в угол. Я повернулся и увидел там сложенные туристические стулья, что из полых металлических трубок и брезента. Я дал один ему, а сам остался стоять и рассматривать, как Василий разделяет довольно крупную рыбу на деревянной доске. Понятия не имею, как она называется. Время всё равно чем-то надо было занять, и, откашлявшись, я рассказал Василию, в двух словах, свой сон, и то, что было после. Он сразу как-то помрачнел, но это быстро прошло, и он взглянул на меня с хитрым прищуром.

– А теперь ты наверно хочешь спросить про то, что висит у меня на стене?

Я, конечно же, не стал делать вид, что не такой и рассказал, как разглядывал вырезки и книги.

– Вот те вырезки, которые у тебя поверх прицеплены. Которые самые свежие. Они ведь о том, что здесь происходит?

Он кивнул.

– То есть, это уже не первая деревня, куда этот человек приводит козла?

– Грубо говоря, да. Это место стало таким пустым не совсем естественным образом. Ваш этот сосед, Пётр, он несколько специфический персонаж. Появился тут, и всё полетело к чёрту. Но приводил ли он козла – это не факт. Там сложно понять, на самом деле, кто кого приводит.

– В каком смысле?

– Если говорить более простецки, то сначала ведь должен появиться хозяин, и только потом животное, так? Но в случае с этой парочкой, люди обычно слышат по ночам всякое, в том числе блеяние, потом появляется Пётр, а потом появляются козлы. То есть первично ощущение. Ты будто ждёшь чего-то дурного, обоняешь, слышишь, даже что-то видишь, потом приходит Пётр, говорит, что так оно и будет, а потом появляется этот козёл, или козлы, и небо становится бездонным.

– Это сложнее, чем курица и яйцо.

– Базару нет.

– Его ведь вряд ли зовут Петром, так?

– Скорее всего. Я думаю, что его кто-то обозвал так для простоты, или он себя так назвал, когда припёрся сюда. Первое его появление зафиксировано совсем не в России, и уже очень давно. Тогда пропало целое селение.

– Так если он тут уже всё сделал, то чего опять припёрся?

– А вот, видимо, не сделал. Кто-то ему помешал расчистить поляну. Знать бы, когда он тут появился.

– Давно. Я начал сюда ездить к деду, он уже жил по соседству. Я там это... ещё кое-что прочитал. Пишут, что он вроде как араб.

– Не араб. Именно, что египтянин. Как с древней статуи сошёл. И постоянно таскает какие-то балахоны. Странный тип, одним словом. Совсем не из этих мест.

– Звучит как-то сказочно.

– В любом случае, я хочу отстрелять этого козла. Представляешь, какой трофей. У меня есть знакомые в Москве. Они бы очень хотели посмотреть. Они в курсе этой истории. По больше нашего, Тох. Книги эти без словаря читают, – он махнул рукой вверх, имея в виду шкаф, как мне кажется, – Но ты в голову не бери, Антох. Скоро должен мой друг подъехать. С нами поужинает, и тебя увезёт отсюда. Потом вызовешь эвакуатор, заберёшь транспорт. Я попрошу, он отвезёт – куда скажешь.

– Мне до города...

– Значит, будет до города.

В технологичном подземелье, был какой-то водоотвод, в который Василий слил грязную воду от рыбы. Затем мы собрали всё в чистые контейнеры, Василий прихватил из шкафчика различный соль-перец, вилки-ложки, и мы отправились на поверхность. Если не считать аккумуляторы, то электричеством у нас и не пахло. Василий знал, что линия мимо села идёт, но он наотрез не хотел заходить на ту территорию. Так что был сооружён костёр, откуда-то из-под крыльца вытащена решётка, отмытая из новой бутылки, рыба сдобрена приправами и выложена на эту самую решётку. Мы начали ждать появления подходящих углей. Ну и прибытия неназванного гостя.

Гость прибыл под шум мотора. Его танк от «Роверов» тонко намекал, что проедет через любой бурелом. Лишь бы работал мотор, а в наших обстоятельствах – это был вопрос растяжимый. Тут я вспомнил, что у меня была бутылка коньяка. Я принёс её и пополнил наши запасы. Гость отказался от любого спиртного, но его уже ждала рыба, и какой-то травяной чай, который Василий соорудил из найденного в лесу. Так весело и душевно мы проводили остаток дня и спускавшийся на нас вечер. Я бы даже забыл о всех странностях, если б не пересказывал их Олегу – так его звали – но уже на уровне байки. Судя по его реакции, он отчасти был в курсе происходящего, но не то был не из пугливых, не то просто до конца не верил, рассматривая козла исключительно, как крупную дичь. Да я и сам до конца не верил, всё ещё.

Время шло. Мочевой пузырь переполнялся, и я отклонялся, чтоб пройти подальше в лес – облегчить душу. Меня предупредили, чтоб я не уходил далеко, но в этом и нужды не было, ведь заросли были весьма густы. Всё бы ничего, но уже по завершению всех биологических процессов я услышал проклятое

– Беее...

Застегнув молнию, я посмотрел вверх. Луна была ярко-красной, но это, в сущности, ничего не значило. Пора было валить и предупредить новоявленных друзей. Я пошёл обратно, но никакого обратно уже было, и я оказался на полянке с огромной корягой. Из моего рта вышло некоторое количество трёхэтажного мата, но я успокаивал себя тем, что знал, как отсюда идти до нашего пикника.

– Ты можешь не торопиться.

Пётр. Он пришёл ко мне со стороны леса. Я помнил глубокого старика, который пас коз. Помнил очень плохо, но всё же помнил, и тот образ был совсем далёк от нынешнего. Ему было лет сорок, в худшем случае, как отец и говорил. Очень красивые черты лица и странная

белая одежда со вставками, на которых я и правда мог разглядеть египетские иероглифы и обозначения. Вот анх, вот скарабей, вот Сетх и Баст. И иные божества, чьи имена я теперь тоже знаю.

- Он идёт. Мы встретим его вместе. Давай пройдемся до дома твоего деда.
- Зачем?
- В своё время, он там кое-что оставил. Кое-что лишнее.

Тут я вспомнил, как, давно-давно, дед, во время побелки стен, сначала что-то писал на них. Какие-то значки. Дед никогда не был особо религиозен и максимум читал Библию, когда заняться было нечем. Но те значки, нет. Они были иными. Он устроил это после той ночной перебранки. Чуть позже. Он куда-то ездил, привёз какие-то книги, и... Я понял, что не могу не торопиться, я должен быть очень быстрым. И вот я снова бежал. Бежал, чтоб предупредить друзей, которые ничего не знали, кушая вкусную рыбку, заедая соленьями, которые привёз Олег.

Костёр почти потух. Всё было раскидано по полянке, в том числе и охотничьи принадлежности. Зато из дома валил густой дым, и я понял, что горит подвал. Подхватив ружьё и патроны, я, вломившись внутрь, увидел, что мои друзья просто сидят на деревянных стульях, окутанные дымом, а огонь лижет им пятки. Услышав шаги, они подскочили и обратили ко мне лица. Они были мало похожи на людей. Серые, измождённые, с чёрными пустыми глазницами. Как бы я хотел это забыть. Конечно же, они более не являлись моими друзьями, так как оба стремительно приближались, рыча и размахивая, один – ножом, второй – стулом. Я выскочил наружу, зарядил ружьё и попытался вспомнить какую-то молитву. Вернее, мне казалось, что это что-то подобное. Либо я ошибался, либо наши человеческие домыслы там не желали работать, так как опасность продолжала приближаться. Выстрел. Василий лежит на деревянном полу, сбив Олега с ног. Я забежал внутрь, вытащил у последнего ключи и патроны из кармана и бросился к своему домику под дикие вопли кого-то из них двоих. Хотя, их было слышно всё меньше, ведь воздух наполнился до предела блеющим многоголосьем.

- БЕЕЕЕ
- Беее, – вторило множество звериных глоток.

Козёл был не один. Будто тысячи их брели по этому лесу. Я бежал и видел их глаза между чёрных веток. И я видел его. Чёрный козёл Петра, чья морда, о ужас, возвышалась где-то над верхушками сосен, которые продолжали удлиняться, в то время, как козлиная морда всё меньше была похожа на козлиную.

Вот уже домик был передо мной, и я бегу из последних сил, слыша позади топот легиона немислимых существ. И вход мне преградил Пётр. Он стоял у входа в дом, выглядя приветливо, а у меня всё ещё была пара патронов. Вот патрон остался в одиночестве, а я смог попасть внутрь, и началась осада. Как же орала эти козлы, или кто уж они там. Как тряслись стены! Как низко висело небо! Благо, рассвет в том мире всё ещё наступал. С первыми лучами, всё стихло, и я боязливо покинул убежище.

Я отправился к месту вчерашнего отдыха, который был когда-то счастливым, радостным. Вчера я, по понятным причинам, не успел подумать, как мне обосновать всё для полиции. Как вообще поступить, когда придётся вернуться в более реальный мир. Но это всё было лишним. Ни Олега, ни Василия я не нашёл. Подвал у дома выгорел, что привело к обрушению пола, но верхняя часть осталась нетронутой. От вырезок осталось горелое пятно на стене. В подвале я увидел странные тоннели, заваленные камнями, не замеченные мной ранее. Мне пришлось

подавить желание их осмотреть, так как я боялся обрушения кровли. Да и боялся, в принципе. Подобрал свою торбу, я нашарил ключи и отправился к машине Олега.

– БЕЕЕ!..

Козёл. Чёрный козёл с перевернутым белым крестом на лбу стоял там и тарашился на меня. У меня оставался ещё один патрон.

Я очень надеюсь, что последний, кто побывал в тех краях – это эвакуаторщики, которые, к слову, сказали, что никакой деревни не увидели. Только кладбище, где и стояла моя машина, и один хилый, покосившийся домик. Так даже лучше. Вдруг бы они там задержались. Что до машины Олега, то я бросил её в лесу, и пешком шёл до города пару километров. Может быть её в итоге и нашли, но, что интересно, никто так и не объявил пропавшими ни Олега, ни Василия. Про последнего не спрашивал даже наш общий друг, а на его жену мне не удалось выйти. Они не спрашивали, и я не спрашивал. Вероятно, они теперь существуют только в Том Месте, и, вероятно, даже времени. И хотелось бы это всё забыть, но когда-нибудь дерево догниёт, и те символы превратятся в прах. И, со смертью времени, умевшие лишь слабо блеять, могут научиться летать. Знакомые Василия, о которых он мне успел рассказать, объяснили, как поступить, и в один прекрасный день мне придётся вернуться, чтоб построить там новый дом. Я буду знать, когда наступит этот момент, ведь сны станут ярче яви, и я смогу коснуться их дрожащими пальцами.

Бабуля

Вот так бывает, что сидишь ты дома, отмечаешь свой полноценный священный выходной день, а тут тебе звонок, и твоё начальство с его немецким акцентом и приказным тоном говорит, что тебе надо отрывать задницу, Оливия, и двигать на нужный адрес, по какой-то странной причине, которую я осмысляла уже в машине. Не скажу, что я была сильно занята, и мне пришлось выпроваживать гостей, но мой кот уже спал, и я собиралась открыть бутылочку портвейна, которую мне привезли в подарок из Европы. Но нет. У кого-то не задался праздник, и причина, признаться, начинала мне казаться всё более ужасающей с каждой минутой.

Улица такая-то, дом такой-то, я подвела глаза и губы, облачилась в робу – так я называю один из тёмно-синих костюмов, приспособленных для работы – погладила кота, и вышла в поздний вечер. Мой Додж Рам Крю Кэб Четвёртый, которого я всегда называла по его герцогскому титулу, доставшийся мне от отца, который канонично был полицейским и доверился не тому напарнику, послушно завёлся с первого раза, и я верхом на этом гордом мичиганском скакуне отправилась исполнять священный долг, попросившись взглядом с моей зелёной лужайкой. Так уж вышло, что в моём городе не было более толковых специалистов, если нужно было допрашивать детей, и наш следователь, видимо, просто не смог со мной связаться сам, напрягая Гюнтера. Плюс, все знали, что я имела несколько столь странных пациентов, что Гюнтер хотел в Ватикан звонить. Так что без меня никак. Где-то там сидят трое милых маленьких ребятишек, и я еду прямо к ним. Трое маленьких ребятишек, которые, скорее всего, где-то в лесу сожгли свою бабушку.

Несмотря на мой лёгкий топографический кретинизм, я достаточно быстро нашла необходимый мне дом. Впрочем, в данном случае, это было не слишком и сложно, ведь на конкретный дом указывало скопление различных людей в форме и репортёров, которые залегли в окопах, метрах в пятистах от цели. Последние ещё ничего не получили от первых, но кто-то уже указал им на источник сенсационной вони. Указать на источник же запаха гари, по нашей логике, должны были дети. Если он конечно был.

Открыв парадную дверь, я шагнула во вместилище скорби и непонимания. Сложно сказать, чего было больше. Я вошла и среди полицейского моря увидела два маленьких островка. Я предположила, что это были родители. Теоретические родители виновников торжества сидели в центре комнаты на диване. Мать просто смотрела в стену, заплаканная, а отец курил в потолок, листая какую-то записную книжку. В доме был также другой мужчина, который, отвернувшись от общего праздника жизни, смотрел сквозь тьму в окно. На тот момент мне не были интересны эти персонажи нашей трагедии, ведь, как я понимала, с ними уже отработали, и я отправилась на кухню, откуда доносились два голоса, один из которых был возмущён, а второй имел мерзкие интонации. Первый был мне знаком, и моё предположение быстро подтвердилось. Следователь Гастон бродил по кухне из угла в угол, жарко о чём-то споря с дамой, которая вся была мышинового цвета, и говорила тоном социалистического пропагандиста, но имела такой голос, что больше бы подошёл для уборщика-горбуна из фильма ужасов.

– Никуда вы их сейчас не повезёте, – кричал Гастон, возбуждённо – Мы должны их допросить.

– Вы ничуть не лучше, чем их безалаберные родители – кряхтела тётка – Детям нужен покой и помощь психолога.

Я вошла на кухню, приблизившись к месту сражения.

– Допустим, я психолог, и я уже здесь.

Социальный работник смерила меня презрительным взглядом, фыркнув что-то вроде «одна из этих же», и ушла из кухни, начав судорожно набирать чей-то номер. Я костями чувствовала, что времени у нас немного, но я даже не могла представить истинный смысл этих ощущений.

Детей было трое. Две девочки-близняшки пяти лет от роду, и старший мальчик – десять лет. Мы решили пока не спрашивать ничего у пятилеток, так как по мнению большинства, включая моё, это было бы излишним усложнением задачи, и пригласили на кухню насупившегося светловолосого паренька в сине-белом полосатом свитере. Мы конечно заготовили игрушки, фломастеры и прочий реквизит, но Джаспер от всего отказался. Разве что, попросил молока. Мы дали ему напиток, привели родителей, которые тоже напоминали реквизит, выгнали второго мужчину-родственника, который оказался дядей – братом отца семейства, курить во двор, пригласили даже социального работника, и приготвили слушать историю о том, как бабушка повела внуков на пикник. Саундтреком нам были всхлипывания матери. Джаспер сделал два глотка, посмотрел на мать, вздохнул и начал относительно внятно рассказывать, как он начал свой день.

В доме постоянно, последние два года, проживала семья Тортона из пяти человек. Мать Лиза, отец Петер, сёстры Джулия и Софи, сын Джаспер. Два года назад с ними также проживала и мать отца – бабуля Тортона, вокруг которой всё и завертелось. Последние два года бабуля жила в доме престарелых, куда, по словам Джаспера, он долго уговаривала её отправить. На её день рождения, семейство всегда забирало бабушку уже второй раз, устраивая ей праздник. Это было решено единогласно и не обсуждалось. Второй и последний. Со слов, Джаспера бабушка его была весьма активной, но несколько скрытной. Она периодически запиралась у себя в комнате, сетуя, что в доме бывает шумновато. Она не то чтоб злилась, но порой ей требовалось единение, как я поняла. Её сын и невестка никак не прокомментировали подобное мнение мальчика, и мы просто приняли его к сведению. Сейчас комната практически пустовала. Там осталось небольшое количество одежды, был установлен старый телевизор, и на прикроватной тумбочке стояли лекарства, которыми бабушка, вероятно, пренебрегла. С самого утра она говорила о том, что это чудесный день, что она себя прекрасно чувствует, ведь это её день рождения, и вся семья с ней. Всё это она без устали повторяла, когда Джаспер с отцом везли её домой, примерно в половине девятого. Дорога была не очень долгой, поэтому в девять они уже были дома. Как уже было упомянуто, бабуля была весьма активной, так что в семье существовала ещё одна традиция. Каждый год, бабушка уходила с внучатами на пикник в соседний лес, а ранее, как я поняла, бабуля Тортона также водила на долгую прогулку своих сыновей. А позже и их подружек. Какое милое семейство, казалось бы.

– Джаспер, во сколько вы пошли с бабулей на прогулку?

– В лес?

– Да.

– Мы приехали в девять. Поели. А. Нет. Я разбудил сестёр. Они не хотели вставать, но потом захотели. Когда поняли. Через тридцать минут мы завтракали. Я правда ел уже второй раз. Мы встали рано с папой. Потом сёстры ещё что-то делали. Потом мы пошли. Наверно было десять. Мы взяли бобы, маршмэллоу, бабушка взяла ещё колбаски. Ещё что-то было, но я точно не помню. Газировка! Ещё была газировка.

Бабушка с внучатами тащили с собой довольно увесистую ношу, но в ней не нашлось места таблеткам, которые бабуля регулярно принимала. Не то её посетил неуместный дух бунтарства, не то она и правда забыла их, не то это было тщательно продуманным планом, на

исполнение которого не хватило сил, в итоге. В доказательную базу последней теории отходили рассказы и то, что мы увидели далее.

– Джаспер, вы пошли пешком в лес?

– Да. Мы пошли пешком. Всегда так ходили. Бабушка вообще любила везде ходить пешком. У неё была машина когда-то. Давно. Она мало ездила.

– Почему бабушка не взяла свои таблетки? Не знаешь?

– Мы спрашивали, когда она будет их принимать. Она сказала, что всё под контролем. Всё будет хорошо. Она сказала так сёстрам. А я и так знал.

– Так. Вот вы добрались до места, где был пикник. Что дальше, Джаспер?

– Мы долго ходили. Бабушке не понравилось место, где мы были всегда. Сказала, что с землёй что-то. Мы пошли дальше. Ходили, ходили. Чуть не потеряли сестёр. Они бегали вокруг. Собирали цветы и ловили ящериц. Они любят ящериц. Да и я. Но лягушки интереснее. Хотите, они вам покажут. У нас живёт одна ящерица.

– Может быть, потом, Джаспер.

– Хорошо, мэ, – парень даже заулыбался, – Так вот. Бабушка попросила сестёр не убегать, и мы дальше пошли. Лес стал гуще, и мы вышли к реке. Бабуля сказала, что место хорошее. Мы расстелили коврики. Я помог сёстрам. Потом мы набрали дрова. Бабуля что-то писала в свои тетрадки. Она много записывала. Нам не говорила, что. Точнее... она сказала, что потом. Когда старше будем. Она помогла развести костёр. Мы жарили колбаски. И зефир.

Мы решили дать ребёнку немного отдохнуть. К тому же, его родители начали потихоньку отходить, становясь чуть более эмоциональными, так что им был смысл пообщаться друг с другом. Я вышла на улицу, где уже курил в ночное небо Гастон. У нас состоялась беседа, полная ошибочных суждений.

– Что думаешь?

– Пока ничего не понятно. Послушаем, что он ещё вспомнит. Он вроде не воспринимает случившееся, как что-то ужасное. Думаю, что просто возраст виной. Девочки вообще спрашивали, отведут ли их родители к подругам на какое-то мероприятие. Это мы тут переживаем, а они живут дальше.

– Я думаю, что я с этими детьми ещё долго буду работать. Это всё может оставить глубокий след в их подсознании. Травма, которая, вероятно, была нанесена им сегодня данными событиями, даст о себе знать в зрелом возрасте. Парень уже достаточно взрослый, чтоб понимать темы жизни-смерти, добра-зла, и всё такое прочее. Вопрос – как будет их трактовать?

– Для начала, неплохо определить место. Ещё лучше, если мы найдём тело, или что там осталось.

– Что-то уже известно, Гастон?

– Местность прочёсывается. Пока мы можем понять только – о какой реке они говорят. Хотя, здесь бы разобрался любой. Рядом лишь одна река. Что могло быть не так с землёй – остаётся только гадать. Мы бы, конечно, попросили показать это место, но дети путаются в показаниях, а эта тётка из соцзащиты чуть в драку не кинулась, когда мы озвучили такую идею.

– Главное, чтоб они не назвали рекой какой-нибудь крупный ручей.

– Было бы очень нежелательно. Сёстры, правда, сказали «вода». Я пока сильно не надеюсь.

– А кто сказал, что они сожгли бабушку?

– Сначала они это сказали родителям. Потом родители нам. Потом они подтвердили.

– Ладно. Пора продолжать.

Мы вернулись на кухню. Оказалось, что мать сварила кофе, и даже предложила его нам. Это было очень кстати, и я, поблагодарила Лизу, на что она, в ответ, рассеяно махнула головой. Взяв кофе, я села в кресло, чтоб продолжить копаться в мозгах её сына, который в это время рисовал сражение пары кайдзю.

- Как ты, Джаспер?
- Хорошо, мэ. Надеюсь, бабуле теперь тоже хорошо.
- Я тоже надеюсь. Расскажи нам, как всё было дальше.

По его лицу было видно, что он старается вернуться к тем событиям. Он уже начал забывать, слишком долго все это продолжается для детской памяти. Парень, наверняка, хотел уединиться с икс-боксом, или пойти спать, а не сидеть с нами, предаваясь рисованию, чего он, подозреваю, не делал лет пять-шесть.

– Дальше... Дальше. Дальше мы... Дрова набрали. Мы потом с бабулей разожгли костёр, да. Мы ей помогали. Она разрешила мне зажечь огонь, а потом махала своей тетрадкой так, – он продемонстрировал, – и дула туда. Мы тоже дули, но начали кашлять, и бабуля нам больше не разрешила. Мы жарили колбаски. Мы жарили маршмэллоу. Софи напилась газировки, и начала икать. Потом мы собирали камни. Возле реки. И ящериц. Мы не спросили бабушку, когда уходили. Потом я решил, что она будет волноваться. Вернулись, позвали её, а она не отвечает. Сидит и голову опустила.

– Вы испугались?

– Нет. Бабушка нам рассказывала про такое. Ну. Если она не будет шевелиться. Я проверил дыхание. Джулия дала мне зеркальце, и я проверил. Дыхания не было. Потом мы пытались проверить пульс. Ничего не нашли. Пульса не было. Ну... я так думаю. Сёстры тоже проверяли, но ничего не услышали. Мы положили бабушку на землю. Она неудобно сидела. Мы пытались слушать сердце, но тоже не услышали. Как пульс.

Я кивнула.

– Потом мы начали читать её записи. Я начал. Ведь сёстры ещё не умеют читать.

– Что-то интересное?

– Ну... я не всё понял. Некоторые буквы не были похожи на буквы. Слова были записаны значками. Наверно, какая-то тайнопись. Или шифр. Я с другом раз придумал шифр, и...

– Ты видел китайский текст когда-нибудь? Не было похоже?

– Нет-нет. Совсем не то. Не такие. А ещё некоторые слова были будто с ошибками. Я их не знаю, наверное.

– В том смысле, что это обычные слова, но написанные неправильно?

– Неее, – протянул он, – это, вот, если записать то, что раньше говорили мои сёстры. Когда были совсем маленькие.

– Но что-то ты понял, да?

– Да. Там было написано, что бабушка хочет, чтоб её сожгли. У неё что-то не получилось, и её надо сжечь, когда она умрёт. Она так написала.

– Ты уверен, что ты не ошибся.

– Написано было так. Но у нас немного не получилось.

Далее, парень начал рассказывать столь поразительные истории, что кровь то стыла, то сворачивалась прямо в венах. Исходя из услышанного, я предположила, что бабуля состояла в какой-то секте и была крайне склонна к оккультным практикам неизвестного происхожде-

ния. Джаспер рассказал, что, когда они убедились, что бабуля испустила дух, и он, как мог изучил её записи и заметки, они приступили к погребальному обряду, который бабуля описала в книге, и коего она требовала, по их мнению. На земле они изобразили огромный символ, который, как сказал парень, похож на утюг в круге. Затем, в порядке, который описала бабуля, они разложили по границам круга цветы, но им пришлось импровизировать, ибо они не нашли тех растений, что описала в книге мадам Тортон. Джаспер отметил, что тут они ошиблись первый раз. Дальнейшие их действия были ещё более наивны, ибо инструкция говорила им добавить свежей плоти в этот ритуал, но они украсили символ плотью жаренной. Свиной или говяжьей, я полагаю. Софи настойчиво просила положить маршмэллоу к данной композиции. Затем бабушкины инструкции предполагали некоторое расчленение тела, для последовательного его сожжения, и Джаспер сказал то, от чего его мать уронила кружку с кофе на пол, и в истерике убежала с кухни, да и я бы сама не отказалась так поступить. Они действительно попытались выполнить этот пункт, при помощи какого-то походного ножа. Разумеется, они мало преуспели, не сумев сломать кости. Меня начало немного подташнивать, а Джаспер продолжил рассказывать, как они стаскивали как можно больше дров и хвороста, раскладывая его на символ, каким-то особым образом, а после тащили туда и тело своей бабушки. Разумеется, всё было стёрто, ведь они не могли поднять тело старушки, так что они перерисовали заново, но только там, куда смогли залезть. Затем они закидали труп сверху ещё некоторым количеством дров, и подпалили конструкцию от костра, что получилось далеко не с первого раза.

– Джаспер, а почему вы не попробовали сразу вернуться ко взрослым? Вы ведь нашли дорогу позже. Зачем вы сделали всё это?

– Бабушка никогда ничего не просила просто так. В этот раз она просила сжечь её.

– Но ты говоришь, что вы сделали всё неправильно.

– Кое-что было нормально. Взрослые даже не пытались бы.

Разумеется, парень был прав. Если только не приводить с собой какой-нибудь локальный ковен, то вряд ли бы кто-то, в здравом уме, стал заниматься подобными вещами.

– Джаспер, а где те записи?

– Мы их там оставили. Всё осталось там. Мы устали, было уже темно, и я хотел вывести сестёр до глубокой ночи. Вывести из леса.

– Ты... ты молодец, Джаспер. Обо всех позаботился, – пробормотала я.

Я уж было хотела закончить, радуясь тому, что не понадобилось получать какие-либо данные с сестёр. Я конечно собиралась с ними встретиться, но скорее с прояснением их морального состояния, а не допроса по поводу всякой жути. Стоило мне начать вставать из-за стола, как Джаспер оживился.

– Подождите. Мэм... Вы не хотите послушать про тех, кто к нам приходил?

На секунду зависнув, я села обратно, подвинув к себе кружку с холодным кофе. Судя по всему, Гастон тоже впервые это слышал. Тётка из опеки запричитала про опасность леса и неблагоприятный район. Пара полицейских напряглась. Дело могло принять ещё более ужасающий оборот, но мы даже не предполагали в какую сторону всё повернётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.